

Введение

Эта книга посвящена анализу взаимоотношений внутри трансатлантического союза, под которым подразумевается комплекс отношений между США и государствами объединяющейся Европы, то есть система сотрудничества, нераздельными частями которой являются многосторонние связи между странами НАТО (1), отношения между Европейским Союзом (ЕС) и США (2), двусторонние отношения между США и отдельными странами Европейского Союза (3).

Будущее трансатлантического союза, понимаемого таким образом, никогда не было predetermined. Он начал формироваться вскоре после окончания Второй мировой войны для решения проблем европейской безопасности и противостояния Советскому Союзу и тех пор не переставал сталкиваться с противоречиями, иногда перераставшими в серьезные кризисы. На протяжении сорока лет после 1945 г. трудности в развитии трансатлантических отношений порождались как отношениями между самими партнерами по обе стороны Атлантики, так и политикой СССР, одной из важнейших целей которого было внести разлад во взаимодействие между США и Западной Европой. Западные союзники проявляли гибкость и изобретательность в противостоянии советской политике «вбивания клиньев», которая в большинстве случаев не наносила особого ущерба трансатлантическому альянсу.

Однако в конце 1980-х — начале 1990-х годов резко изменилась международная ситуация. Социалистическое содружество фактически самоликвидировалось. Исчезла одна из главных военно-стратегических мотиваций трансатлантического союза. Распад социалистического лагеря оказался для западных стран вызовом, который потребовал масштабной реформы системы их сотрудничества.

Трансформация этой системы проходила на фоне гораздо более высокой динамики международных реалий, чем то было характерно для относительно стабильной среды времен последних десятилетий биполярной конфронтации (1962-1986). Обнаружившие себя на протяжении 1990-х — начала 2000-х годов новые проблемы международной безопасности создали для западных стран необходимость приспосабливаться к изменившимся условиям сотрудничества в отсутствие глобального противника. Это

повлекло за собой естественные сложности в межсоюзнических отношениях. Трагические события в США 11 сентября 2001 г. и начавшаяся в 2003 г. война в Ираке с особой остротой поставили вопрос о перспективах разрешения проблем трансатлантического союза. В каком виде он выйдет из испытаний, предпосылки которых, как будет показано в этой книге, накапливались на протяжении полутора последних десятилетий?

Автор ставил задачу выделить «длинные тенденции» развития евроатлантического сообщества после распада биполярности и установить те факторы и процессы, от которых могут зависеть перспективы трансатлантического союза. Но прежде всего было важно показать процесс трансформации отношений между США и странами объединяющейся Европы с конца 80-х годов прошлого века до середины первого десятилетия века нынешнего. При этом автор не стремился дать хронологически выверенное исчерпывающее описание развития трансатлантических отношений за последние полтора десятилетия, которое освещало бы взаимодействие между США и их европейскими союзниками по всем сюжетам международных отношений 1990-х — начала 2000-х годов. Включение в фокус анализа того или иного аспекта трансатлантического взаимодействия зависело от того, какое, по мнению автора, значение данный аспект имеет для будущего отношений внутри евроатлантического сообщества.

В литературе трансатлантический союз зачастую отождествляют только с международными институтами — Организацией Североатлантического договора (НАТО), при более «широком» подходе — еще и с комплексом отношений между Соединенными Штатами и Европейским Союзом (ЕС), 19 из 25 участников которого по состоянию на 2004 г. также входят в НАТО. Тем не менее, для оценки «длинных тенденций» развития трансатлантического союза и отделения их от преходящих обстоятельств, необходимо сознавать, что, хотя институциональные связи несомненно представляют собой каркас системы трансатлантических связей, союз между США и объединяющейся Европой шире любых формальных институтов. Соответственно, кризис трансатлантических институтов не всегда означает кризис самого союза.

В середине первого десятилетия XXI века союзническое взаимодействие Европы и Северной Америки основывается на целом ряде мощных объединяющих факторов. В их число входят общие культурно-исторические корни, западные гуманитарные и

политические ценности, принципы рыночной экономики и демократического управления, разделяемые странами евроатлантического сообщества, человеческие и экономические связи (перемещение людей, торговые потоки, инвестиции) между двумя берегами Атлантики. Никакие два субъекта мировых экономических отношений не связаны теснее, чем Европейский Союз с Соединенными Штатами Америки. Объем инвестиций и продукта, произведенного агентами каждого из этих субъектов в другом, превышает уровень экспорта как ЕС, так и США. Благодаря взаимным инвестициям трансатлантических партнеров в их экономиках было создано более 12 млн. рабочих мест. Ежедневный экономический обмен между ЕС и США (торговля товарами и услугами, а также взаимные прямые инвестиции) достигает 3 млрд. долл.

Именно в европейской среде Вашингтон склонен искать союзников по решению наиболее сложных проблем международной безопасности и формирования военно-политической стратегии. Соответственно, страны Евросоюза тоже склонны считать своим наиболее надежным и проверенным союзником в сегодняшнем мире именно Соединенные Штаты. При этом только европейские государства могут рассматриваться в США — стране, которая является мировым лидером в военной сфере — в качестве союзников, в перспективе способных выйти на уровень полной совместности для операционного взаимодействия с американскими военными контингентами и технологиями. С другой стороны, европейцы в ближайшие годы вряд ли могут надеяться получать «военное прикрытие» (например, в связи с угрозой ракетного нападения) от какой-либо державы, кроме США.

Соединенные Штаты и Западная Европа разделяют и общие принципы экономической стратегии в отношении остального мира. Две части Запада вместе производят около 60% мирового ВВП, на них приходится 40% мировой торговли¹. Совокупная доля ЕС и США в общемировом объеме иностранных инвестиций достигает 67%, а их доля как реципиентов иностранного капитала составляет 37%. И США, и ЕС в основном полагаются

¹ EU-U.S. Economic Relations in the Age of the Euro: An Indispensable Partnership. Address by Amb. Guenter Burghardt, Head of Delegation of European Commission to the United States, at the Federal Reserve Bank of the United States, Atlanta. 20.11.2003 (<http://www.eurounion.org/news/speeches/2003/031120gb.htm>, дата посещения 23.04.2004).

на импортные энергоносители. Являясь источниками технологических новаций, дизайнерских разработок в самых различных сферах — от авиастроения до текстильных изделий — американские и европейские компании стремятся переносить производство материалоемкой и трудоемкой продукции в третьи страны. В торговле с ними участники трансатлантического союза зачастую вступают в конкуренцию. Но это только подстегивает технологический прогресс и стремление повысить эффективность производства и работы в сфере услуг по обе стороны Атлантики.

Несомненно, для каждого из них характерны разные подходы к экономической политике. Европейские страны в целом более склонны к государственному регулированию и перераспределению большей доли национального продукта в интересах сглаживания возникающего социального неравенства. Эти расхождения иногда находят отражение на внешнеэкономическом уровне, приводя к трениям между партнерами. К примеру, финансовая подпитка европейского сельского хозяйства из бюджета ЕС и, одновременно, отсутствие ограничений на использование гормональных составляющих кормов в мясной отрасли США выливаются в американско-европейские противоречия относительно торговли продуктами питания.

Далеко не только увеличивающаяся конкуренция в сфере торговли и финансов в 2000-е годы ослабляют трансатлантический союз. Налицо кризисные явления в ряде институтов сотрудничества (в первую очередь, НАТО), общепринятым стало говорить о расхождении стратегических культур по обе стороны Атлантики. На это накладываются тенденции развития одностороннего подхода во внешней политике США, а также трудности Европейского Союза с выработкой согласованного и подкрепленного ресурсами внешнеполитического курса. Далеко не последнюю роль в противоречиях между США и Европой играют проблемы политического контроля над совместными военно-политическими инициативами стран евроатлантического сообщества. В самой Европе в 2003-2004 гг. возникло непонимание между, с одной стороны, теперь уже полноправными членами НАТО и ЕС из Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), склонными к поддержке американской внешней политики, и с другой стороны, крупными западноевропейскими державами, критично настроенными в отношении доктринальных основ внешнеполитической стратегии США начала 2000-х годов.

Во времена противостояния между Западом и Востоком такие противоречия вызвали бы удовлетворение в советском руководстве. В 2000-е годы они, наоборот, создают трудности для российской внешней политики, от которой требуются более осмотрительные оценки и внимательно-сдержанная проработка долгосрочной стратегии. Безоговорочная поддержка Россией одной из сторон в трансатлантических спорах, чего как европейцы, так и американцы могут добиваться от Москвы, не вполне соответствует российским интересам, которым отвечают сбалансированные отношения как со всеми частями Европы, так и с Соединенными Штатами Америки.

С Европейским Союзом Россию связывает прежде всего экономическое взаимодействие. После расширения ЕС на него приходится около половины российского внешнеторгового оборота. Сближаться с ним Россия планирует, насколько можно судить, посредством организации четырех «общих пространств» — экономического, международной безопасности, внутренней безопасности и правосудия, а также пространства науки, образования и культуры. Альтернативы такому сближению у России, традиционно мыслящей себя преимущественно европейской державой, очевидно, нет. Европейский Союз напористо «структурирует пространство» к востоку от своих постоянно раздвигающихся рубежей, а российский интерес при этом заключается в нахождении выгодных для России форм ее взаимодействия с мощной экономикой Евросоюза.

Отношения с Соединенными Штатами имеют в первую очередь военно-политическую значимость для России как крупной державы, в распоряжении которой имеется мощный арсенал средств ядерного сдерживания. Подключаясь к международным инициативам Вашингтона, пусть даже и с пониманием «лидерского старшинства» в отношениях «США—Россия», наша страна может повышать свой международный статус и увеличивать внешнеполитический ресурс. Сотрудничество с Соединенными Штатами в области безопасности необходимо и неизбежно для России на кавказском, центральноазиатском и восточноазиатском направлениях. Российскому самолюбию льстит возможность «на равных» вести диалог с Вашингтоном по военно-стратегическим вопросам — военные стратеги и аналитики с ностальгией вспоминают времена масштабных советско- и российско-американских договоров в области контроля над вооружениями. Наконец, для

России важно сотрудничество с США в такой высокотехнологичной отрасли как исследования космоса и запуски орбитальных аппаратов с использованием российских ракет-носителей.

Все это свидетельствует о том, что России невыгодно оказываться перед выбором: чью позицию по крупной международной проблеме поддержать — европейскую или американскую? Любое разрешение такой дилеммы нанесет ущерб российским интересам. Избегать подобных ситуаций проще в условиях общего взаимопонимания между США и Европой, которое вместе с тем не было бы направлено против российских интересов. В связи с этим особую важность приобретает понимание механизмов, стабилизирующих трансатлантический союз, включая политику США, стремящихся воспрепятствовать «излишней» самостоятельности своих союзников в военно-политических вопросах.

Крайние аналитические подходы в исследовании проблематики трансатлантических отношений представляются непродуктивными. Преувеличивать противоречия между США и Европой и, тем более, рекомендовать использовать их «в интересах» России недальновидно. Постулировать представление о евроатлантическом сообществе как о нерушимом монолите, в котором проблемы, если и появляются, то разрешаются в рабочем порядке, без особых усилий, а интересы партнеров настолько схожи, что единству ничто не угрожает — тоже было бы неуместным упрощением. Оба крайних подхода, в сущности, дезориентируют, оставляя за рамками исследования много тонких, внутренних, глубинных, но практически весьма важных тенденций трансатлантического взаимодействия, представить объективную картину которых в соотношении с крупными, хорошо заметными и в этом смысле «поверхностными» трендами трансатлантических отношений предполагается в последующих главах.